

Ю. Е. БАРЛОВА

«НАДЗОР И ПРИБЫЛЬ»

ОБЩЕСТВЕННОЕ ПРИЗРЕНИЕ И СОЦИАЛЬНАЯ ПОМОЩЬ В ТЕОРЕТИЧЕСКИХ КОНСТРУКТАХ ИЕРЕМИИ БЕНТАМА

В статье освещен малоизученный аспект научного творчества знаменитого мыслителя Иеремии (Джереми) Бентама — его взгляды на бедность, нищету и социальную помощь. Рекомендации Бентама по этому вопросу располагались в русле идеологии утилитаризма и теории максимации, а также его работы над проектом «Паноптикона». Бентам настаивал на моральной природе и личной обусловленности бедности, на болезненном характере социальной помощи и замене открытого призрения трудом в закрытом учреждении — под надзором и с экономической выгодой. Его построения во многом предопределили реформу законодательства о бедных 1834 г.

Ключевые слова: *Иеремиа Бентам, утилитаризм, бедность, социальное призрение, законодательство о бедных, надзор, работный дом, реформа 1834 г.*

Трудно представить себе историю общественно-политической мысли нового времени без фигуры знаменитого английского философа, социолога, юриста, моралиста и публициста Иеремии (Джереми) Бентама (1748–1832), одного из «отцов-основателей» идеологии либерализма и разработчика концепции утилитаризма. В огромнейшем наследии, оставленном мыслителем, можно обнаружить отклики практически на все злободневные для его времени вопросы — от вполне традиционных проблем совершенствования конституционного строя, законодательства, экономики, до вопросов, считавшихся в XVIII столетии странными и даже «неприличными» — например, об эмансипации женщин или о правах гомосексуалистов. Все эти вопросы Бентам рассматривал сквозь призму *утилитаризма* — разработанной им системы взглядов, в центре которой лежала идея *максимации*, или «возможно большей суммы счастья для возможно большего количества людей».

Традиционный стереотип в отношении идеологии Бентама, порожденный этой растиражированной формулой, заключается в априорной констатации «идеализма и человеколюбия» мыслителя в вопросах прав и свобод человека. В ряде сочинений о нем эта констатация принимает апологетический характер. Так, один из русских дореволюционных биографов Бентама, П. Я. Левенсон, называет его «мощным умом, стремившимся к улучшению участи всех людей и согретым неисчерпаемой

любовью к человечеству»¹. Однако существует и противоположная точка зрения, представленная, например, К. Марксом, который, говоря об отношении Бентама к правам индивида, характеризовал известного философа не иначе, как «гения буржуазной тупости, чья философия возбуждает почти безгливость во всяком человеке, способном глубоко мыслить и чувствовать, каковы бы ни были его убеждения»². Другой пример — знаменитая повесть-антиутопия В. Ф. Одоевского «Город без имени», опубликованная в 1839 г. в журнале «Современник» и рисовавшая неприглядную картину «бентамитского» общества, основанного исключительно на соображениях личной пользы и отвергавшего все человеческие устои — в том числе мораль, религию, право, — во имя утилитаристских принципов³.

Думается, что выработка взвешенной научной позиции по вопросу о том, насколько «человечен» был либерализм Иеремии Бентама, невозможна без анализа практически не изученного аспекта его наследия — а именно, его работ *о бедности, нищете и социальном призрении*. Этот пласт сочинений мыслителя не так известен и растиражирован, как остальные его работы, достаточно сказать, что ни одно из них не переведено на русский язык. Между тем, именно бедность стала основным предметом размышлений и теоретических построений Бентама в течение почти двух десятилетий — в 1780–90-е гг.

Историография этого аспекта мысли Бентама также не столь обширна, хотя наследие Бентама уже в XIX в. становится предметом научных исследований. В дореволюционной России работы философа рассматривались как «учебники» для юристов и законодателей. Их переводили, анализировали и комментировали ведущие ученые того времени — наиболее известны работы литературоведа А. И. Пыпина, правоведа П. Я. Левенсона⁴. В 1916 г. вышел фундаментальный труд «Бентам и его время», написанный приват-доцентом юридического факультета Петроградского университета П. Покровским и до сих пор считающийся одним из самых scrupulous исследований социокультурного контекста мысли Бентама, ее истоков, основных направлений творчества мыслителя и его последователей⁵. В том же году знаменитый социолог Питирим Сорокин написал эссе-рецензию на книгу Покровского, известное под названием «Новый труд о Бентаме». В этом

¹ Левенсон. 1893. С. 55.

² Маркс, Энгельс. Соч. Т. 23. С. 264.

³ Одоевский. 1980.

⁴ Пытин. 1869. №№ 2-4; Левенсон. 1893.

⁵ Покровский. 1916.

очерке Сорокин выразил и свое отношение к идеологии утилитаризма: с одной стороны, он восхищается юридической стороной учения Бентама, замечая, что «одних его работ по реформе права и правовых институтов было бы достаточно, чтобы причислить его к величайшим реформаторам человечества», но, с другой стороны, считает моральную философию Бентама слишком упрощенной, в силу отождествления «далеко не однородных, сплошь и рядом противоположных» понятий «удовольствие — польза — добро — счастье — выгода», «в котором и состоит первородный грех теории Бентама»⁶.

В советские годы, в силу доминирования марксистской методологии, интерес к наследию Бентама снизился, и новая волна исследований приходится уже на конец XX в. Так, в 1999 г. вышел юбилейный сборник к 250-летию философа «Наука о морали: Джереми Бентам и Россия». В этом издании были собраны статьи зарубежных и отечественных исследователей, размышлявших над такими аспектами биографии и творчества Бентама, как судьбы семейства Бентам и учение Бентама в России, парадоксы теории «наибольшего счастья наибольшего числа людей», «польза», «выгода» и «удовольствие» как категории философской аксиологии, теория наказаний и «Паноптикон»⁷.

Между тем, вопрос об отношении Бентама к бедности и социальной помощи, в качестве отдельной проблемы, в отечественной бентамистике, по сути, поставлен не был. На Западе специальных исследований на эту тему тоже практически нет. Сочинения Бентама о социальном призрении анализируются, как правило, либо в общих трудах по истории социальной политики в Британии и — отчасти — по истории политической мысли⁸, либо (преимущественно в критическом контексте) с точки зрения его отношения к институту прав и свобод человека⁹.

* * *

Все выкладки Бентама о бедности и бедных можно условно разделить на две группы. Первая — это отдельные общефилософские размышления в рамках «теории максимации», которые можно обнаружить в наиболее известных трудах Бентама — таких, как «Введение в основания нравственности и законодательства», «В защиту лихвы. Боль и наслаждение», «Принципы гражданского законодательства», «Анархические заблуждения и др. Эти размышления достойны внимания хотя

⁶ Сорокин. 1916. Вып. 5.

⁷ Философский век. 1999.

⁸ См., напр.: Jones. 1996; *Hampshier-Monk*. 1992.

⁹ См., напр.: *Nonsense upon Stilts...*; *Boralevi*. 1984.

бы потому, что традиционно «обходились стороной» исследователями. Вторая группа — это практически не известные у нас сочинения Бентама, непосредственно и целиком посвященные проблемам бедности, нищеты, социальной помощи: «Положение бедных и помощь им» (“Situation and the Relief of the Poor”), «Улучшенное управление пауперами» (“Pauper Management Improved”), «Замечания по поводу Билля о бедных, предложенного досточтимым Уильямом Питтом» (“Observations on the Poor Bill Introduced by the Right Honourable William Pitt”).

В своих основополагающих юридических и философских трудах Бентам упоминает категории бедности и богатства лишь вскользь. Тем не менее, всякий раз он как бы «вписывает» их в общую систему ценностных координат своей теории, предлагая ответы на вопросы о природе бедности, о моральной стороне этого явления, о мотивах, побуждающих человека помогать ближнему, и — в самых общих чертах — о праве нуждающегося на частную или государственную помощь.

Бедность для Бентама (как, впрочем, и для большинства его современников) — категория *моральная*. Природа ее двояка: с одной стороны, бедность вызвана «отрицательными» обстоятельствами или чертами характера человека — будь то возраст, неспособность работать или найти работу, или же моральный упадок, лень и паразитизм, «неприученность» к труду. Эти факторы ведут к тому, что человек попадает в нужду. Но, с другой стороны, сама нужда оценивалась Бентамом как нечто *позитивное*, как некий необходимый стимул, побуждающий человека трудиться, «вселяющий энергию, предусмотрительность, способности»¹⁰.

Такое понимание бедности обуславливало специфическое отношение философа к *помощи* нуждающимся и к *социальному призрению*. Все поступки человека, как считал он, определяются двумя основными стремлениями: получить удовольствие и избежать боли. Одно из наиболее «сильных» удовольствий, поставленных Бентамом на второе место после чувственных наслаждений, — это удовольствие от богатства. Бедность же, напротив, приносит боль. Однако первый же тезис, выводимый из этого мыслителем, заключался в *ненужности щедрости* в отношении бедных: «Каждая последующая сумма денег, пожалованная человеку, увеличивает его удовольствие уже в меньшей степени, чем предыдущая <...> Ценность 10 фунтов для паупера намного выше, чем для вполне обеспеченного человека, потеря же 10 фунтов для него ощутимее, чем потеря этой суммы миллионером <...> Итак, чем беднее по-

¹⁰ Покровский. 1916. С. 369-372.

лучатель определенной суммы денег, тем выше польза этой суммы для него, <...> то есть нет прямой линейной зависимости между объемом помощи бедняку и его удовольствием»¹¹. Стремление человека избежать боли, по мнению Бентама, требует, парадоксальным образом, чтобы помощь бедным была *болезненной*: стремясь избежать боли, они начнут самостоятельно стремиться к «удовольствию от богатства», т.е. выбираться из нищеты. Это «вернет им достоинство» и «увеличит тем самым их удовольствие, как и удовольствие остальной части человечества»¹².

Таким образом, мотивами призрения бедных, как писал Бентам в своей работе «Теория законодательства», ни в коем случае не должны служить «жалость, моральный долг или же «право» кого-либо на помощь». Помощь нуждающимся должна быть обусловлена лишь «полезностью, поддержанием стабильности и безопасности», а также «поддержанием спокойствия самих бедных»¹³. Понятие «права» бедного на помощь Бентам, будучи идеологом «классического» либерализма, считал не чем иным, как одним из «анархических заблуждений». В одноименном труде («Anarchial Fallacies») он связывал политические и социальные права с «эгоистическими страстями», «ограничение и дисциплинирование» которых — одна из основных задач государства¹⁴. Единственный вид прав человека, который он признавал и защищал, — это право на личную свободу и самостоятельный выбор жизненного пути. Бедняк, таким образом, имеет право жить так, как он сочтет нужным, но только в том случае, если его выбор будет осуществляться собственными усилиями. Поэтому помощь нуждающимся ни в коем случае не должна рассматриваться как реализация некоего «абсолютного права» на призрение. Вместо «провозглашения права» должны быть «четко указаны пути, средства и пределы» оказания помощи¹⁵.

Анализ общефилософских рассуждений Бентама о бедности выявляет, таким образом, четко очерченную позицию мыслителя по данному вопросу, которая может быть сведена к следующим тезисам:

- бедность — категория моральная и лично обусловленная (человек сам виноват в том, что попал в нужду);
- чтобы «максимизировать общую сумму счастья максимального числа людей», включая самих бедных, бедность необходимо

¹¹ *Hampshier Monk*. 1992. P. 324.

¹² *Jones*. 1993. P. 10-11.

¹³ *Boralevi*. 1984. P. 99.

¹⁴ *Hampshier Monk*. Op. cit. P. 533-534.

¹⁵ *Покровский*. 1916. С. 372.

рассмотреть не как социальное зло, которое надо устранять, а как на неизбежное и даже позитивное явление, из которого можно извлечь пользу при «должном» поведении как бедных, так и тех, кто им помогает;

- помощь нуждающимся должна определяться пользой и сохранением социальной стабильности, а не жалостью или состраданием;
- помощь бедным не должна быть щедрой; она должна носить болезненный характер — это увеличит «общую сумму счастья» людей.

Несмотря на абстрактный и обобщенный характер «ранних» выкладок Бентама о бедности, они были логически вписаны в идеологию утилитаризма и «теорию максимации». В свою очередь, истоки последних следует искать, в том числе, в ценностной системе *пуританизма*, определявшей особенности культуры современной Бентаму Англии. Нормы и ценности «пуританской» этики — трезвость, трудолюбие, бережливость, преуспевание в делах как свидетельство богоизбранности, — перекликались с идеей *личной ответственности человека за свое материальное положение*, так как, словами М. Вебера, пуританизм «способствовал установлению буржуазного, *рационального с экономической точки зрения* образа жизни»¹⁶. Получалось, что социальная помощь противоречила такому образу жизни, «расслабляла» бедных и подрывала личную ответственность, бережливость и дисциплинированность.

По меткому замечанию И. Хемпшир-Монка, рассуждения Бентама «имели далеко идущие последствия в практической социальной политике»¹⁷. Именно вокруг них Бентам выстраивал свои практические рекомендации по реформированию системы социальной помощи, когда вплотную занялся проблемой бедности во второй половине 1790-х гг.

В то время он находился в Российской империи, в местечке Кричев под Могилевом, куда приехал по приглашению своего брата — инженера Самуэля Бентама, служившего у Григория Потемкина. В Кричеве Бентам много писал, и именно там из-под его пера вышли три фундаментальных сочинения о бедности и социальном призрении. Одно из них — трактат «Управление бедными» (“Management of the Poor”) — было издано в Дублине в 1796 г. Почти сразу после опубликования Бентам внес в него незначительные изменения, в результате чего увидел свет более известный труд «Улучшенное управление пауперами». Од-

¹⁶ См.: Вебер. 2003. С. 272-292.

¹⁷ *Hampshier-Monk*. Op. cit. P. 324.

новременно он пишет «Положение бедных и помощь им» и обширный комментарий-памфлет на законодательную инициативу английского премьер-министра Уильяма Питта-младшего — «Замечания по поводу Билля о бедных, предложенного досточтимым Уильямом Питтом».

Чем можно объяснить такой интерес и такую «плодовитость» Бентама в течение довольно короткого периода времени (известно, что после 1800 года он вообще перестал интересоваться проблемой бедности)? Скорее всего, тем, что в последней четверти XVIII в. в британских политических кругах заговорили о «резком обострении проблем нищеты и безработицы», что вылилось в масштабные публичные дебаты о бедности. Под «обострением», правда, имелось в виду не столько ухудшение экономического положения бедняков, сколько неудобства, возникающие у тех общественных слоев, которые платили традиционный для Британии налог в пользу бедных. Вследствие роста безработицы, повышения цен на продовольствие, падения заработных плат, а также войн с Францией, налоги на бедных во многих графствах выросли, что было невыгодно не только состоятельным лендлордам, но и фермерам средней руки и простым прихожанам. В итоге в центре дебатов оказался вопрос о реформе всей «старой системы» общественного призрения (т.н. «Елизаветинского законодательства о бедных»), основанной на принципе помощи нуждающимся и неимущим за счет обязательных налоговых отчислений. Поэтому сочинения Бентама, который никогда не оставался в стороне от злободневных вопросов своего времени и мнение которого британская политическая элита, безусловно, уважала, следует рассматривать как его «заочное» участие в этих дебатах.

Работа «Положение бедных и помощь им» (1797) по своему стилю напоминала, скорее, многословные философские размышления о природе бедности, о ее причинах¹⁸. Здесь Бентам углубляет трактовку понятия «бедность», предлагая разделять собственно «бедность» (poverty) и «крайнюю нужду» (indigence). Бедность — это естественная судьба многих, состояние каждого, кто вынужден прибегать к труду, чтобы добыть средства к существованию. Поэтому «вылечить» ее нельзя. Крайняя же нужда — это когда, будучи бедным, человек или не способен к труду, или не в силах обеспечить себя средствами, в которых нуждается. Это «самое печальное общественное явление, зло, способное принимать ужасные формы», поэтому его «лечить» надо¹⁹.

¹⁸ Интересно, что сам Бентам в письме издателю отмечал, что «это, безусловно, утопия, романс — но как это может быть чем-то иным? <...> Это ведь ни что иное, как теория, размышления». *The Works of Jeremy Bentham...* P. 359.

¹⁹ *Boralevi. Op. cit.* P. 99.

Учитывая, что в предыдущих сочинениях философ вообще отказывался сострадать попавшим в нужду, эта мысль на первый взгляд может показаться новаторской. Однако на самом деле она так же четко вписывалась в утилитаристскую концепцию, выделявшую в качестве столпов общественного устройства понятия «безопасность» и «равенство». Когда эти понятия «приходят в конфликт», — писал Бентам ранее, — приоритет должен отдаваться именно *безопасности*, равенство же — это “опасная химера”. К равенству может привести помощь бедным, а призрение тех, кто оказался в крайней нужде — лишь поддержит безопасность общества, — следовательно, последнее *в большей мере отвечает соображениям полезности*²⁰. В работе «Положение бедных и помощь им» Бентам как бы «совершенствует» свое понимание причин бедности, делая это посредством тщательнейшей, занимающей порядка 10 страниц, «классификации пауперов». Каждая выделенная им «группа» бедняков соответствовала определенной причине, по которой человек оказался в нужде. Так, нуждающиеся подразделяются на:

- «инвалидов»;
- «потерявших работу», в том числе «потерявших работу *из-за вредности характера*» (в качестве «подгрупп» здесь выступают «воры», «бродяги», «дезертиры», «цыгане», «проститутки»);
- «потерявших собственность» («погорельцы», «жертвы обстоятельств», «жертвы собственной беспечности или азарта», «потерпевшие или виновники по суду»); и т.д.

В классификацию нуждающихся Бентам включает также «идиотов», коих подразделяет на «абсолютных идиотов», «дураков и слабоумных», «лунатиков» и «меланхоликов»²¹.

Категории бедняков он именует «руки» (hands). Помимо вышперечисленных групп, Бентам выделяет «потенциальные руки», «ленивые руки», «иноземные руки». Думается, что, используя такое слово, автор акцентировал внимание читателя на том, что нуждающихся следует рассматривать как *потенциальный производственный ресурс*. Где и как этот ресурс использовать, он подробно поясняет в следующих двух работах.

Труды «Управление бедными» и «Улучшенное управление пауперами», в сущности, идентичны, поэтому рассмотрим их в совокупности, как единое целое. Замысел Бентама, по его же словам, сводился к выработке «плана по сооружению учреждения, где указанные группы населения находились бы под *надзором (Inspection)*» (курсив Бентама —

²⁰ Ibidem.

²¹ The Works of Jeremy Bentham... P. 362-363.

Ю. Б.). Бентам планировал учредить по всей Англии 200–250 «домов трудолюбия» (“industry houses”), в каждом из которых могло содержаться до двух тысяч нуждающихся, и которые объединяли бы в себе функции тюрем, домов призрения, больниц и сумасшедших домов²².

Надзор Бентам считал необходимым, во-первых, для «искоренения нищенства» путем «оправданного и необходимого» *принуждения*. Он, в частности, писал, что «терпимость к нищим раздражает его», и «даже если в других странах иные, НЕ основанные на принуждении, меры и имели успех, то это ни в коем случае не должно смущать законодателей Англии»²³. Аргументы его основывались на понимании бедности как моральной категории: «Только тот, кто окончательно пал, избирает путь паупера, живущего за счет дотаций», «продолжая пребывать в бездействии и лени». Поэтому, как только бедняк начинает уповать на дотации, он становится преступником: «привычка жить без источника дохода — это привычный грабеж». Меры, предлагаемые Бентамом для решения проблемы, суровы: установить вознаграждение за поимку нищего, а также допрашивать тех, кто «подозревается в попрошайничестве», на предмет наличия «честного источника дохода» — и, если «ответ неудовлетворительный», принудительно отправлять их в рабочий дом²⁴.

Для должного осуществления надзора Бентам предлагал руководствоваться принципом «разделения и перегруппировки» нуждающихся, попавших в систему «закрытого призрения», дабы «сберечь здоровых от заразы, мораль от греха, подозреваемых в порочности от не подозреваемых, класс от класса», а также, «для благопристойности», «пол от пола»²⁵. Меры по реализации этого принципа следующие. Во-первых, забирать нищих семьями, но в «доме трудолюбия» семьи разлучать²⁶. Во-вторых, использовать возможность перемещения пауперов из одного рабочего дома в другой (более близкий к месту проживания или содержания родственников) как стимул к «хорошему поведению и продуктивной работе»²⁷. В-третьих, избегать групповой работы в самом рабочем доме (чем меньше группа, занимающаяся в одно время одним делом, тем лучше). Наконец, целям надзора должна была служить и униформа: «если солдаты носят униформу, то почему бы ее не носить пауперам?»²⁸.

²² *Bentham*. 1796. P. I-II.

²³ *The Works of Jeremy Bentham*... P. 401-403.

²⁴ *Ibidem*.

²⁵ *Bentham*. 1796. P. 6-8.

²⁶ *The Works of Jeremy Bentham*... P. 372-373.

²⁷ *Ibid.* P. 378.

²⁸ *Ibidem*.

Контроль и надзор, таким образом, — это лучшее, что можно придумать «для блага низших классов (в другом месте он употребляет выражение «постыдные классы» — Ю. Б.), то есть весомой доли нашего населения». Он укрепит мораль «плохих подмастерьев, плохих детей, плохих жен», убережет хороших жен «от домашнего насилия» со стороны «плохих мужей», изолирует от общества «проституток и недружелюбных женщин» в «период опасного возраста», и т.п.²⁹ Кроме того, контроль поможет распространению в работном доме «нужных знаний» и «нужной пропаганды» среди низших классов. Бентам писал, что различие между уровнем образования богатых и бедных ведет к тому, что «поведение бедных зависит от постоянного воздействия на их мозги пластичной властью», которая позволяет «моделировать» их поведение. Такой контроль над сознанием паупера, необходимо вести «с самого его рождения», чтобы уменьшить потенциальную опасность от «обременительной части бедных слоев для остальной части общества»³⁰.

Итак, знак равенства между попавшим в нужду и преступником — отправная точка для построения всей системы помощи бедным. В работе «Улучшенное управление пауперами» Бентам прогнозирует: «Тюрьмы как таковые отомрут, так как их функции — строгий надзор — будут выполняться домом трудолюбия, у которого к этому времени будут и иные преимущества <...> *И не нужны будут ни Говарды, ни Питты*»³¹.

Помимо надзора, провозглашалась и другая цель призрения бедных — *экономическая выгода* от труда последних. Цель эта вполне отвечала идеологии утилитаризма: «оказывать трудовую помощь, пока доход от труда призреваемых не компенсирует затраты на их призрение»³². Для осуществления этой цели Бентам разработал, во-первых, принцип «наибольшей занятости» для обитателей дома трудолюбия: «Всё, движение пальца, шаг, моргание глаза, шепот, — должно учитываться при обеспечении выгоды системы»; «даже если человек слепой, он может быть способен, сидя в своей кровати, вязать или наматывать

²⁹ Ibid. P. 379.

³⁰ Ibid. P. 395.

³¹ Ibid. P. 397. Последнее утверждение Бентама очень показательно с точки зрения выявления нравственной позиции философа в отношении нуждающихся. Упомянутый Джон Говард — видный английский филантроп XVIII в., боровшийся за улучшение положения заключенных в тюрьмах, больницах и домах призрения. Премьер-министр У. Питт предложил Билль о дополнительных государственных дотациях неимущим, критике которого Бентам посвятил отдельную работу. «Объединив» эти две фигуры, Бентам четко противопоставил свою позицию той, что была основана на симпатии к нуждающимся.

³² Ibid. P. 430.

нити». Иными словами, физические ресурсы помещаемых в работный дом людей философ предлагал использовать «на полную мощность»³³. Вторым принципом, связанным с первым, — это «принцип рационализации труда». Бентам предлагал «не давать мужчине ту работу, которую может делать женщина», пока в работном доме остаются свободные женские руки, — и, соответственно, не давать женщине работу, которую может сделать подросток, пока есть свободные «детские руки»³⁴.

Экономической окупаемости дома трудолюбия, как считал мыслитель, должно было способствовать всё, что повышает производительность труда: сдельная оплата труда пауперов, поощрение их к соревновательности (например, за счет дополнительного куска масла или сыра в меню), принципы «сначала заработай» и «освободи себя сам» (помощь оказывается *только* при помещении в работный дом, и ее *надо* отработать)³⁵. Расходы же на содержание бедняков в работном доме Бентам предлагал свести к минимуму. Так, он скрупулезно прописывал возможности сэкономить на питании, на которое «уходило 2/3 общих расходов». Для новичков предполагалась диета «скуднее, чем для старожилов», еда должна была быть «самой дешевой с точки зрения качества», и при этом надо было «экспериментировать с наиболее подходящим количеством»³⁶. Нормой в работном доме должен был стать «принцип абсолютной трезвости», исключающий спиртное в любом виде. Выдаваемая одежда также должна была быть самой дешевой. Главное ее назначение — «минимально согреть», поэтому «следует исключить все ненужные детали — карманы, манжеты, обшлага, поля у шляп»; обувь тоже должна быть максимально экономичной — этому требованию отвечают деревянные башмаки-клоги³⁷. Бентам предлагал не указывать размер жалованья в агитационных листовках, приглашающих нуждающихся в дом трудолюбия, «чтобы потом была возможность платить меньше». Более того, он даже не исключал целесообразности сбора «небольших вступительных взносов» с поступающих в дома трудолюбия, чтобы отсеять антисоциальных паразитов от тех, кто действительно хочет «исправиться» и получить трудовую помощь.

Значительная часть проекта Бентама была посвящена т.н. «*содействию в бережливости*» — то есть возможности оказания нуждающемуся денежной помощи, основанной на системе *займов и вкладов*. Эта

³³ Ibid. P. 384.

³⁴ Ibidem.

³⁵ Ibid. P. 385.

³⁶ Ibid. P. 387.

³⁷ Ibid. P. 388.

система, во-первых, включала «помощь во временной нужде» тем беднякам, которые были в состоянии обеспечить себя и «встать на ноги за счет трудолюбия»: им, по решению приходского совета и одобрения капеллана, Бентам предлагал выдавать займы по низкой ставке (6%). Именно займы, а не дотации, он считал «истинной ветвью милосердия», выступая тем самым против любой безвозмездной помощи³⁸.

Весомое место в системе «содействия бережливости» занимали сберегательные кассы (“Frugality banks”). Их Бентам противопоставлял набиравшей в Англии популярность идее «дружественных обществ» (“Friendly societies”). Отличие сберкасс Бентама от «дружественных обществ» заключалось в том, что последние функционировали за счет добровольных взносов вступающих в них бедняков: в случае необходимости любой из членов такого общества мог воспользоваться определенной суммой из общего фонда. Такой подход Бентам называл «неадекватным»; вместо этого он предлагал беднякам вносить вклады в банк, принадлежащий акционерной компании, которая будет руководить новой системой рабочих домов. Банк имел бы отделения — сберкассы — по всей стране, в них «малообеспеченные слои» хранили бы заработки и ежемесячно вносили бы туда вклады, которыми, в свою очередь, можно было бы воспользоваться при возникновении «страхового случая». Так, вкладчик мог вносить средства, чтобы в случае женитьбы было на что сыграть свадьбу и начать семейную жизнь, чтобы в случае его смерти жена получала аннуитет, или чтобы дети получали ежегодное пособие вплоть до совершеннолетия. Вкладчик мог также рассчитывать на кредит «на доказанные нужды»³⁹. Кроме того, в сберегательную кассу «за содействием» — то есть займом — мог обратиться любой «честный» бедняк, которого постигло неожиданное несчастье — потеря работы, болезнь, неожиданные расходы на похороны родственника, и т.п. Исключение, по мнению Бентама, должны были составлять вдовы, которым помогать «нельзя ни в коем случае» — вплоть до увольнения их самих по старости. Он считал, что в случае смерти кормильца семьи займы можно давать лишь детям, да и то не во всех случаях и при соблюдении определенных условий (например, ученичество и работа ребенка в доме трудолюбия вплоть до совершеннолетия)⁴⁰.

Таким образом, в своих построениях относительно помощи нуждающимся, изложенных в работах «Положение бедных и помощь им»,

³⁸ Ibid. P. 380.

³⁹ Ibid. P. 407-414.

⁴⁰ Ibidem.

«Управление бедными» и «Улучшенное управление пауперами», Иеремия Бентам продолжал четко следовать принципам, которые он ранее провозглашал в своих общеполитических трудах. Именно *надзор* был поставлен им в основу системы призрения бедных, рассматривавшихся как часть пестрой толпы преступников, маргиналов, безумцев и нарушителей порядка, которых необходимо изолировать от остального «добропорядочного» сообщества. Позднее Мишель Фуко назовет такой подход компонентом «намеренной политики «интернализации» (изоляции) бедных⁴¹. Презумпция порочности природы бедняка предполагала суровый, «исправляющий» характер помощи и *надзор в закрытом учреждении*. Утилитаристский подход определял *возмездный* характер помощи, основанной на займах и принудительных отработках, и стремление извлечь *экономическую выгоду* из труда пауперов. Соответственно, лучшее средство социальной помощи для Бентама — это заключение бедняка в «дом трудолюбия», которое, соответственно, должно быть «недорогим (для работного дома — Ю. Б.) и исправляющим (для бедняка — Ю. Б.)». Может быть, понимая, что с точки зрения общечеловеческих ценностей выстроенная им система могла выглядеть жесткой, Бентам посвятил отдельный раздел «удобствам», которые получали бы от нее бедные. Это «здоровье, продление жизни, защита от нужды, трудоустройство и ночлег, защита от пристаивания других пауперов и угнетения чиновников, просветленное сознание, освещенное религиозными надеждами, чистота и медицинская помощь, безопасность, образование», и многое другое. Свою систему он называет «истинным милосердием», противопоставляя его, в духе утилитаризма, «фальшивому милосердию, архи-врагу *не столько удобства, сколько экономии*»⁴².

Идея «дома трудолюбия» как идеального учреждения для закрытого призрения бедняков и варианта социальной помощи, более выигрышного, чем помощь на дому или государственные дотации, развивалась Бентамом в его многолетней работе над проектом архитектурного сооружения, облегчавшего надзор за заключенными в нем людьми, — так называемого «Паноптикона», или «Всевидящего места». Там же, в России, одновременно с работами о бедности, Бентам пишет один из самых знаменитых своих трудов — “Panopticon, or the Inspection House” («Паноптикон, или Дом Надзора»). Сама идея Паноптикона была подсказана ему братом, который, по желанию Потемкина, проектировал громадную фабрично-ремесленную фланстеру на две тысячи человек

⁴¹ См.: Фуко. 1997.

⁴² The Works of Jeremy Bentham... P. 430-434.

всех возрастов, подчиненную принципу центрального надзора. Однако русско-турецкая война помешала осуществлению проекта Самуила Бен-тама, и Иеремиа Бентам решил реализовать его в Англии, модернизовав и подчинив несколько иным целям.

Согласно изначальному замыслу, Паноптикон представлял собой кольцообразное здание, разделенное на камеры-кельи. В каждой камере было два окна — одно выходило наружу, другое — вовнутрь, тем самым каждое маленькое помещение как бы насквозь пронизывал свет. В центре сооружения находилась наблюдательная башня с окнами, выходящими во внутренний двор. Таким образом, каждый обитатель этого заведения мог быть постоянно обозреваем из этой башни, но при этом невозможно было определить, следят за тобой в данный момент или нет. М. Фуко в знаменитой работе «Надирать и наказывать: рождение тюрьмы» называл Паноптикон Бентама «дисциплинарным проектом нового времени, воплощённым в архитектуре», новой политической технологией, основанной на принципе «абсолютной видимости, превращённой в ловушку»⁴³. Архитектура Паноптикона делала власть «непроверяемой», а камеры здания — «маленькими театрами, в каждом из которых был изолирован актер, отлично опознаваемый и постоянно видимый»⁴⁴.

Безусловно, Бентам считал свой Паноптикон разновидностью тюрьмы, однако тюрьмы «многоцелевой», предназначенной для разных социальных групп, включая не только преступников, но и сумасшедших, больных, школьников, рабочих. Он рассматривал свое детище как некую лабораторию для моделирования поведения, тренировки и коррекции личности. При этом особую выгоду от такого учреждения он видел именно в перевоспитании и «приучении к труду» бедных — «нищих и ленивцев», которые, в духе времени, были поставлены в один ряд с иными социально-беспольными и нарушающими общественное спокойствие элементами. Он, в частности, писал, что «гордиев узел Законов о бедных будет не разрублен, но развязан — и все это с помощью простой архитектурной идеи!»⁴⁵.

Если рассматривать «Управление бедными» и «Улучшенное управление пауперами» вкупе с созданным в то же время трудом «Паноптикон, или Дом Надзора», то становится совершенно очевидным, что рекламируемые «дома трудолюбия» для бедных и знаменитый Паноптикон — это, в теоретических построениях Бентама, одно и то же.

⁴³ Foucault. 1977. P. 199.

⁴⁴ Ibid. P. 200.

⁴⁵ Ibid. P. 207.

Свою идею Бентам начал реализовывать после смерти отца, оставившего ему хорошее наследство. С 1794 г., заключив контракт с правительством, он начал строительство Паноптикона практически в центре Лондона — на том месте, где сейчас находится галерея Тэйт. Однако парламентская комиссия 1811 г. «зарубила» постройку, компенсировав Бентаму часть израсходованных денег; в итоге в 1812 г. здание было достроено, но в несколько измененном виде, и в 1816 г. открыто как знаменитая лондонская тюрьма Мильбанк, просуществовавшая до конца XIX века. В туристическом справочнике о Лондоне 1850 года Мильбанк был охарактеризован следующим образом: «тюрьма была сконструирована в соответствии с дизайном Джереми Бентама, которому было передано безусловное право собственности на землю под строительство; говорят, что строительство обошлось в громадную сумму в полмиллиона фунтов стерлингов. Внешние стены формируют неправильный восьмиугольник, <...> общий план напоминает колесо, в центре которого находится управляющий, от башни которого отходят шесть лучей, заканчивающихся также башнями <...> В тюрьму помещаются этаплируемые в Австралию преступники, до исполнения приговора, на предварительное заключение. Приговор может быть скорректирован после наблюдения инспекторов за поведением заключенных»⁴⁶.

Несмотря на то, что тюрьма Мильбанк была заложена по его проекту и внешне очень напоминала Паноптикон, Бентам считал, что его гениальная идея потерпела полное поражение. Неизвестно, что было главной причиной разочарования философа. Проект был изменен, и заканчивали Мильбанк другие люди. В окончательном проектировании принимал участие упоминавшийся выше филантроп Джон Говард — оппонент Бентама, всегда выступавший против «смешивания в одну кучу» бедняков, безработных, преступников и умалишенных. После своих многочисленных посещений рабочих домов, больниц и тюрем в разных странах Говард, в частности, неоднократно высказывал «возмущение зрелищем того, что под одной крышей находятся уголовные преступники, юноши, нарушавшие покой в своей семье или проматывавшие ее состояние, просто подозрительные личности и умалишенные». Мильбанк, следовательно, был закончен именно как тюрьма — то есть место содержания одной определенной категории населения — уголовных преступников, — а не широкого круга «отбросов», включая бедняков, чей труд мог приносить прибыль. То есть из «грандиозного замысла» Паноптикона был оставлен лишь один его элемент — *надзор*, второй же эле-

⁴⁶ A Handbook of London...

мент — *труд* как средство перевоспитания и получения прибыли — был утрачен. Бентам был очень огорчен: «Какая жалость — в этом учреждении надзор был бы такой простой, удобный, непрерывный!»⁴⁷.

В работах Бентама о бедности и социальном призрении особняком стоит одно сочинение, посвященное не собственным теоретическим построениям, а целиком и полностью критике оппонента. Этим оппонентом был премьер-министр Англии, знаменитый политический деятель Уильям Питт-младший. В 1797 г. Питт предложил в парламент свой проект билля о помощи бедным. Суть его сводилась к установлению неких обязательных норм заработной платы для малообеспеченных слоев в кризисные периоды. Если, предлагал Питт, в годы кризиса или неурожая работодатель не может платить прежнюю заработную плату своим работникам, то он имеет право снизить ее до установленного законом минимума, но при этом разница с прежним уровнем заработка доплачивалась бы работнику из средств, собранных в виде налогов. Питт указывал, что в каждом отдельном случае такое решение должно приниматься приходскими властями под контролем судей. Кроме этого, билль предполагал отдельный вид помощи многодетным семьям бедняков — дотации из государственной казны на содержание детей или иные оговоренные нужды, которые позволили бы семье содержать себя в дальнейшем (например, на покупку коровы). Основной «посыл» законодательной инициативы Питта, таким образом, заключался в том, чтобы максимально поддержать институт «открытого» — то есть *без* обязательного помещения в работный дом — призрения. В условиях, когда социальная напряженность в стране усиливалась (Англия находилась в состоянии войны с революционной Францией, и в стране наблюдался взлет радикализма, выливающийся в периодические народные восстания), предложенные Питтом меры, направленные на государственную поддержку уязвимых слоев, можно было считать действительно *социальными*, а следовательно, способствовавшими сохранению общественного спокойствия и предотвращению социальных взрывов.

Бентам, между тем, обрушился на предложение Питта с гневной критикой, расположившейся на 50 страницах текста под названием «Замечания по поводу Билля о бедных, предложенного досточтимым Уильямом Питтом». В заключительной части этого текста автор даже выражал сожаление, что «страниц получилось так мало, по причине дефицита времени»⁴⁸. Контраргументы Бентама можно условно разделить

⁴⁷ Цит. по: *Левенсон*. Указ. соч. С. 73.

⁴⁸ *The Works of Jeremy Bentham*... P. 440.

на несколько направлений. Первое направление — это критика идеи обязательного минимума заработной платы. «А если, — задается вопросом Бентам, — чей-то труд *по факту стоит меньше* установленной планки — например, труд инвалида, неквалифицированного разнорабочего и т.п.?» Таких работников, считает он, билль попросту лишает работы: «иногда есть разница между наивысшей суммой, которой рабочий *достоин*, и наименьшим жалованьем, которое работодатель *готов* ему платить... то есть, если последний и заплатит 9 шиллингов тому, чей труд не стоит выше 7-8 шиллингов, то вряд ли он будет платить этот минимум тому, чей труд не стоит больше 3-4 шиллингов!»⁴⁹.

Вторая часть контраргументов касалась идеи компенсации пониженного жалованья за счет налогов. Бентам считал, что эта мера лишь «усилит лень и праздность», и протестовал против самого принципа «удовлетворения индивидуальной нужды за счет общественного кармана» (то есть, заметим, против самой системы *общественного призрения* как таковой), так как это «питает леность за общественный счет»⁵⁰. «Донациями такого рода, — пишет он, — вы вытаскиваете нескольких избранных индивидов из класса бедняков и помещаете их в класс людей легких обстоятельств. Но это — монашеская благотворительность в огромном масштабе, которая разбрасывается тушами говядины вместо того, чтобы накормить большое количество людей бульоном, <...> она губительна в своих последствиях, так как, облегчая сегодняшние беды, сеет семена будущих»⁵¹.

«Щедрость» премьер-министра Питта по отношению к бедным противоречила основному постулату Бентама о недопустимости щедрости в социальной помощи. «Автора билля, — пишет он, — по-видимому, вдохновил часто рисуемый сегодня меланхоличный образ несчастной трудолюбивой семьи, волею обстоятельств попавшей в состояние «тюремного» заключения, от которого даже небольшая помощь, оказанная им вовремя, могла бы их спасти; в состоянии зависимости от случайного милосердия и бесчестия *обычного* (выделено мною — Ю. Б.) дома призрения — «заходи и откажись от всего или останься снаружи и умри с голода»⁵². «Сочувствие, — продолжает Бентам, — похвально, и для чувствительного сердца оно неизбежно. Но

⁴⁹ Ibid. P. 449.

⁵⁰ Цит. по: Покровский. Указ. соч. С. 375.

⁵¹ The Works of Jeremy Bentham... P. 442-443.

⁵² Ibidem. Здесь Бентам, по-видимому, противопоставляет этот «обычный» дом призрения своему Паноптику — «дому трудолюбия».

одно дело — сострадание, и другое, более сложное дело — помощь; первое можно дарить всегда и в любом объеме; второе дарить нельзя, и тем более за счет общества... Мы сочувствуем Дарию, сочувствуем Лире, но дарить королевства — не во власти приходов. Чтобы уничтожить не только нужду, но и зависимость, надо бороться не только с несчастьями людей, но и с их непредусмотрительностью»⁵³.

Наконец, третья и последняя часть «Замечаний по поводу Билля о бедных...» была направлена против помощи многодетным семьям, которые, с уверенностью прогнозировал Бентам, в случае принятия питтова предложения начнут «смотреть на деторождение как на источник прибыли». Он опасался, что пособие «будет выплачиваться вплоть до того, как ребенок *будет* себя обеспечивать, а не до того, когда он *будет способен* это делать», — намекая, опять же, на возможные злоупотребления со стороны бедняков⁵⁴. Особенно же его возмутило предложение премьер-министра давать нуждающимся семьям «целевую» денежную дотацию на покупку коровы. «Если предыдущие разделы, — писал он, — лишь отворачивали кран, то раздел о корове и деньгах — открывает бездонную дыру»⁵⁵. Поясняет он свою метафору так: «если корова сдохнет, или ее украдут, или будет заявлено, что она украдена <...> надо, значит, заменить исчезнувшую корову второй, а затем, в случае повторения пропажи или смерти коровы, — третьей. Конечно, частые несчастья с коровами должны вызвать подозрение в честности бедняка, но <...> если действовать по подозрению, можно обречь на голодную смерть вполне честную семью»⁵⁶. Иными словами, Бентам предлагает вообще не поднимать вопрос о дотациях — как «честным» семьям, так и «нечестным», — чтобы потом не мучиться подозрениями в злоупотреблениях.

Подводя итог, Бентам пишет, что его основная претензия к биллю Питта-младшего — «нечеткость и некомпетентность» законодательных формулировок, «делающие неясным, какие именно категории населения попадают под действие билля или выигрывают от него». Он как бы «напоминает» премьер-министру, что «законы — это инструменты, а плохими инструментами ничего хорошего не создашь». Однако думается, что этот вывод — лишь прикрытие истинных причин возмущения Бентама законодательной инициативой премьера, проходящих красной нитью по всему тексту «Замечаний». Показательным является, например,

⁵³ Ibid. P. 444.

⁵⁴ Ibid. P. 442.

⁵⁵ Ibid. P. 446.

⁵⁶ Покровский. Указ. соч. С. 378.

обвинение Питта в том, что он борется с проявлениями нужды, тогда как надо бороться с причинами последней — а это, с точки зрения Бентама, «лень, расточительность, надежда на благотворительность и нежелание трудиться»⁵⁷. Кроме того, в работе Бентама силен «мальтузианский» акцент на «излишнее размножение» бедных как корень всех бед и изначальная презумпция виновности бедняка в его положении вследствие моральных пороков — нечестности и нежелания трудиться.

Пафос «Замечаний», таким образом, вполне объясним. Во-первых, инициатива Питта располагалась в русле «старого законодательства о бедных». Иными словами, Питт априорно отталкивался от идеи *ответственности* государства и общества за тех, кто оказался не в состоянии обеспечить себя. Это прямо противоречило установке Бентама на критику системы обязательного государственного призрения бедных. Во-вторых, принятие предложения Питта могло усилить институт «*открытого*» призрения и избавить многих бедняков от насильственного помещения в закрытое учреждение типа работного дома; Бентам же, напротив, был поглощен идеей «*закрытия*» нуждающихся в Паноптиконе — ведь именно в нем, по его замыслу, «моральные пороки» бедняков подлежали бы исправлению посредством «помощи-наказания».

Показательно, что 11 февраля 1800 года, через три года после выдвижения билля, Питт-младший в своей парламентской речи заявил, что «снимает свой проект, который он до сих пор находил хорошим, из почтения к мнению тех, чьи мнения он должен уважать — то есть господина Бентама и господина Мальтуса»⁵⁸. Влияние Бентама на провал предложения Питта косвенно подтверждается и словами Джона Боуринга, редактора и издателя первого полного собрания сочинений Бентама: «находясь в тесном контакте с влиятельными людьми в парламенте, <...> он [Бентам] внес мощный вклад в провал этого предложения, которое могло иметь куда более катастрофические последствия для собственности, <...> чем самая разрушительная революция нашего времени»⁵⁹.

Бентам перестал писать о проблеме бедности после 1800 г. и умер за два года до принятия реформы 1834 года, заменившей «старую» систему социальной помощи «новой», основанной на «закрытом» призрении в тюремноподобном работном доме. Историки продолжают спорить о влиянии Бентама на принятие «нового законодательства». Боуринг настаивал, что «именно Бентам, а не Мальтус или Риккардо — хоть те и

⁵⁷ The Works of Jeremy Bentham... P. 452-547.

⁵⁸ Bonar. 1885. P. 43-44.

⁵⁹ The Works of Jeremy Bentham... P. 440.

поставили весомость своих мнений против института законодательного обеспечения обязательной помощи бедным — сформулировал базу для нового законодательства»⁶⁰. Большинство современных специалистов не столь категоричны и, как правило, лишь отмечают, что «основные принципы нового законодательства о бедных — централизация, ликвидация открытого призрения, «непривлекательность» помощи — были, вне всякого сомнения, бентамитскими»⁶¹. Отметим, что в общественно-политических дебатах о бедности и пауперизме, развернувшихся в Англии в конце XVIII — первой половине XIX в., позиция Бентама сыграла весомую роль. Учитывая, что именно эти дискуссии вели к принятию решения по реформе, можно считать, что, в числе прочих критиков «старого законодательства», он заложил основы реформы 1834 года.

Вопрос о «гуманизме» Бентама-либерала не однозначен. Во-первых, Иеремия Бентам был юристом, увлеченным законотворчеством. Согласимся с Л. К. Боралеви в том, что «было бы ошибкой искать свидетельства гуманности и сострадания в сочинениях, призванных служить техническим руководством для законодателя — и хотя бы в силу этого основанных на соображениях пользы»⁶². Кроме того, знаменитый философ был человеком своего времени. Его выкладки располагались в русле философской и политической мысли XVIII — первой половины XIX в., протестантской этики, культивировавшей бережливость и предприимчивость, и порожденного ею «нового типа социальной чувствительности». Сочинения Бентама о бедности и бедных, скорее, можно упрекнуть в том, что они писались в полном отрыве от жизни, от осознания реального положения, мировоззрения, ценностей бедных слоев, — в уединенном кабинете, из которого мыслитель практически не выходил. В то же самое время оппонент Бентама филантроп Джон Говард, также взявший на себя ответственность высказываться по вопросам призрения, лично объездил сотни тюрем, работных и исправительных домов. Другой его современник, аристократ Фредерик Мортон Иден, автор трехтомника «Положение бедных» (1797), скрупулезно описал в нем условия жизни бедняков в 181 приходе (более чем в 30-ти графствах!) Англии и Уэльса, включая вопросы питания, одежды, занятий, налогов и поборов, питейных заведений в каждом приходе, и т.п.⁶³. Но, с другой стороны, именно

⁶⁰ Ibidem.

⁶¹ См. напр.: *Boralevi*. Op. cit. P. 114.

⁶² Ibidem.

⁶³ См.: *Барлова Ю. Е.* Сэр Фредерик Мортон Иден и его труд «Положение бедных» (1797) // Вопросы истории. 2009. № 5. С. 72.

то, что в дебатах о нищете и бедности победила точка зрения, близкая к восприятию проблемы «теоретиком»-Бентамом и противоречившая мнению «практиков» — тех, кто изучал проблему «изнутри», — само по себе иллюстрирует общий настрой британского общества накануне реформы 1834 года и его готовность отказаться от социальной ответственности в пользу «надзора и прибыли».

БИБЛИОГРАФИЯ

- Барлова Ю. Е.* Сэр Фредерик Мортон Иден и его труд «Положение бедных» (1797) // Вопросы истории. 2009. № 5.
- Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма. М., 2003.
- Левенсон П. Я.* Беккария и Бентам. Их жизнь и общественная деятельность. СПб., 1893.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 23.
- Одоевский В. Ф.* Город без имени // Русская романтическая повесть. М.: Советская Россия, 1980.
- Покровский П.* Бентам и его время. Пг., 1916.
- Пытин А. И.* Русские отношения Бентама. Вестник Европы, 1869. № 2-4.
- Сорокин П.* Новый труд о Бентаме // Вестник психологии, криминальной антропологии и педологии. 1916. Вып. 5.
- Философский век. Альманах. Вып. 9. «Наука о морали: Джереми Бентам и Россия» / Отв. ред. Т. В. Артемьева, М. И. Микешин. СПб., 1999.
- Фуко М.* Безумие и неразумие. История безумия в классическую эпоху. СПб.: «Университетская книга», 1997.
- Bentham J.* Management of the Poor. Dublin: James Moore, 1796.
- Bonar J.* Malthus and his Work. L., 1885.
- Boralevi L. C.* Bentham and the Oppressed. N.Y., 1984.
- Foucault M.* Discipline and Punish. The Birth of the Prison. L.: Penguin, 1977.
- A Handbook of London. L., 1850.
- Jones K.* The making of social policy in Britain. L., 1996.
- Hampshier-Monk I.* The History of Modern Political Thought. Blackwell, Oxford, 1992.
- Nonsense upon Stilts. Bentham, Burke and Marx on the Rights of Man / Ed. J. Waldron. L., N.Y., 1987.
- The Works of Jeremy Bentham, published under the Superintendence of his Executor, John Bowring. Edinburgh: William Tait, 1838–1843. In 11 vols. Vol. 8.

Барлова Юлия Евгеньевна, к.и.н., доцент кафедры всеобщей истории Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; barlova@mail.ru.